

O. I. Nuzhdin

Oleg I. Nuzhdin, associate professor of the Chair of Ancient and Medieval History of epy Ural State University (620083, Russia, Ekaterinburg, Turgeneva Street, 4); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 350 75 38. Электронная почта/E-mail: o_nuzhdin@mail.ru

**ARMANYAKI, BURGINONY AND LZHE-FRANTSUZY:
FEATURES OF FORMATION OF THE NATION
IN the FRENCH KINGDOM of the FIRST THIRD of the XV century.**

The centenary war which has become the first all-European military conflict, was reflected in many aspects of life of Europe of that time. It had considerable impact and on a condition of political life, promoting formation of its new forms. Formation of the nations, the political societies accompanying emergence of the centralized states became one of them. As a result of civil war and English invasion prerequisites for formation of three new states – the French-English kingdom, the Burzhsky kingdom, the Duchy of Burgundy, and also three new nations were put. But, owing to the reasons both objective, and subjective property, the history went on other way. The English nation became especially island, French gradually extended on the population of all French kingdom, and Burgundian by the end of the XV century disappeared.

Key words: centenary war, nation, France, England, centralization

О.С. Поршнева

Профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

**ИДЕЯ ВОЙНЫ В ПРАКТИКАХ МОБИЛИЗАЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ**

Исследование феномена тотальной войны в контексте анализа структур эпохи 1861-1945 гг. позволило выявить современным исследователям факторы, приведшие в современный период к разрушительной тотализации военных действий. Позитивное восприятие идеи войны и ее популярность, конструирование образа внешнего врага были не только характерной чертой духовной атмосферы в европейских государствах на рубеже XIX – XX вв., но и являлись одной из основ разрабатываемых их элитами национальных идентичностей. проявлений мобилизации национального сознания европейских обществ в условиях утверждения имперских приоритетов в политике великих держав и назревания глобального военного конфликта.

Ключевые слова: национальное сознание, война, Европа, образ врага

Исследование феномена тотальной войны в контексте анализа структур эпохи 1861-1945 гг. позволило выявить современным исследователям факторы, приведшие в современный период к разрушительной тотализации военных действий (1). Первая мировая война, несмотря на ее «недостаточно тотальный» характер(2), продемонстрировала и стирание грани между военным и гражданским населением, и феномен мобилизации национальных ресурсов для ведения военных действий, и важность гражданского консенсуса по отношению к войне. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением С. Ферстера о том, что без прямой поддержки гражданского общества переход к этому распространенному типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен(3). Важнейшей составляющей феномена стала тотализация целей войны, обусловленная изменением образа врага в сознании граждан и их правительств. Исходящая от врага угроза стала представляться обществом и государством как основополагающая экзистенциальная опасность, поэтому враг должен был быть навсегда уничтожен(4). Исследование социальных и культурных процессов в годы Первой мировой войны с позиций концепции тотальной войны позволяет изучить опыт реальной национальной мобилизации, компонентом которого было взаимодействие правительств и обществ в обосновании и поддержке легитимности войны. Как показывают работы последних десятилетий, культурные стереотипы и ценности были действующими мотивациями индивидуального, группового и массового поведения людей накануне и в период Первой мировой войны. Война, помимо ее прямого смысла, в не меньшей степени была войной идей и ценностей, столкновением культурных миров втянутых в ее орбиту народов.

Период 1890-1914 гг., связанный со вступлением капиталистических стран в особую полосу развития – «империализм», характеризую-

щуюся активизацией колониальной экспансии великих держав, стремлением к окончательному разделу и подчинению слаборазвитых стран, глобализацией внешней политики, обусловил расширение противоречий между великими державами до глобальных масштабов. По мнению основателя французской школы исследований Первой мировой войны П.Ренувена, действовавшие в этот период национальные и политические факторы в их взаимосвязи и взаимодействии были решающими обстоятельствами, определившими драматическое развитие событий(5). В качестве самодовлеющего фактора внешнеполитического процесса в этот период исследователь рассматривает коллективную психологию народов и правящих кругов, «коллективные страсти», национальные чувства, которые способны были психологически подвести народные массы и правительства к восприятию войны как единственного способа осуществления «национальных целей»(6).

Обострение противоречий между великими европейскими державами на рубеже XIX-XX вв. происходило в условиях перехода к блоковой политике, развития противостояния двух военно-политических группировок. Это сопровождалось выработкой идейного (рационального) и культурно-психологического, символического обоснования целей, исторического смысла и перспектив борьбы государств в разворачивающемся противостоянии их национальных интересов. В данном процессе участвовали политические, военные деятели, представители интеллектуальной и культурной элиты, оказывавшие серьезное влияние на общественное мнение. Для эффективного воздействия на массовое сознание широко использовались культурные стереотипы, идеологические клише, определявшие структуру представлений и восприятие внешнего мира представителями своего национального сообщества. При этом, как отмечает Д. Джолл, империализм породил новый язык, на котором стали обсуждаться международные отношения, и новый сорт национализма, отличного от того, который вдохновлял движения за национальное объединение и национальное самоопределение в XIX в.(7) Этот национализм приобрел явно выраженные расистские, биологические, иррациональные черты, базировался на представлениях о фундаментальных связях человека и его национальной «почве», необходимости поддержания чистоты нации и ее духа путем ограждения от смешения с чуждыми и космополитическими элементами, экзистенциальной опасности, исходящей от враждебных государств и народов(8). Представляется важным для понимания исторического контекста данных изменений учитывать геополитический фактор в развитии европейских государств, который Е.Ю. Сергеев характеризует как наступление эпохи так называемого «закрытого мира», которая диктовала необходимость поиска новых подходов к государственному строительству в условиях «исчер-

пания пространства», способного ранее поглотить энергию и избыточное население европейских стран(9). Отмечая применительно к военной элите России, что «главными вопросами, вызывавшими разногласия мнений, являлось установление целей и нахождение пределов (границ) хорологической экспансии империи»(10), автор по сути обозначает более универсальное явление, характеризующее представления военной и политической элит целого ряда государств на рубеже XIX-XX вв.

Как отмечает известный российский исследователь К.В. Виноградов, наиболее последовательную и широкомасштабную программу экспансии выдвинули немецкие военно-политические круги, и это не было какой-то исторической случайностью или следствием врожденной агрессивности немецкого народа(11). В 1890-е гг. Германия стала стремиться к завоеванию более сильных международных позиций, соответствовавших, как представлялось ее правящей элите, возросшей экономической мощи страны. Стали звучать призывы к проведению «мировой политики», которые поддерживались промышленными и сельскохозяйственными группами интересов, искавшими новые возможности для экономического развития(12). В 1896 г. германское правительство открыто утвердило курс на проведение «мировой политики», в противовес «зарубежной политике», концентрировавшейся в Европе, что отражало не только переход к масштабной имперской внешнеполитической программе, но и широкое распространение в обществе соответствующих представлений, продвигаемых выдающимися интеллектуалами и общественными ассоциациями. Их суть состояла в том, что Германия должна была или расширяться, или придти к упадку(13).

Такая постановка вопроса во многом предопределяла столкновение Германии с Великобританией, доминировавшей в Европе, колониях и на мировых рынках. Представление о Великобритании как главном потенциальном противнике в предстоящей борьбе способствовало постепенной актуализации антибританских стереотипов, существовавших в германском обществе. М. Экштайн отмечает, что в Германии стали бояться английского заговора, направленного против нее, а британское требование свободной торговли, либеральной этики на мировом уровне стало расцениваться как очевидное лицемерие. Многие в Германии были склонны рассматривать свою страну как прогрессивную, освободительную силу, которая установит новый порядок в отношениях государств. В противоположность этому, Великобритания рассматривалась как архиконсервативная сила, заинтересованная в поддержке статус-кво(14).

Другой страной, по отношению к которой немецкая интеллигентная элита выстраивала концепцию своей особой исторической роли и культурной миссии, была Россия. Стимулом для развития таких по-

строений стало столкновение интересов двух стран, явно обозначившееся в конце XIX в. Нарастание российско-германских противоречий было обусловлено не в последнюю очередь тем, что в своей внешней политике Германия стала склоняться к сохранению и всемерной поддержке Австро-Венгрии, с которой Россия соперничала на Балканах. Австро-Венгрия играла важную роль в германских планах создания Средней Европы. С другой стороны, заинтересованность России в контроле над черноморскими проливами, а Германии – над европейской частью Турции делала столкновение двух стран также неизбежным. После отставки О. Бисмарка в 1890 г. с поста канцлера Германии напряженность в отношениях между двумя государствами стала нарастать. Это обстоятельство, а также рост популярности панславизма в России способствовали нагнетанию антинемецких настроений в образованном русском обществе, проводником которых была пресса. Можно согласиться с мнением У. Лакера, что «с печатью или без нее – война против Германии после 1880 г. была бы в России более популярной, чем против любого другого государства»(15). В свою очередь в Германии, как показано в недавних исследованиях, стали расти страхи в связи с возможной русской атакой, славянским продвижением «крестьянского гиганта», ставшие «ночными кошмарами», питавшими общественное воображение(16). Г. Люлевичус в своей книге, посвященной оккупационной политике Германии на Востоке в годы Первой мировой войны, дает обзор представлений о России, существовавших в немецком обществе. Автор, в частности, отмечает, что для широкой германской публики имперская Россия сопрягалась с образами репрессий, отсталости и деспотизма; «русская угроза», замаячившая задолго до 1914 г., вызывала образы казаков и неистощимых крестьянских армий, нескончаемых людских волн и огромной потенциальной силы «русского парового катка», грозящего подавить Центральную Европу (17).

Анализ работ современных исследователей проблемы позволяет утверждать, что назревание европейского конфликта на рубеже XIX – XX вв. сопровождалось не только созданием предпосылок общественной поддержки правительств в случае войны, но и самой идеи войны. Они выражались прежде всего в растущем влиянии на общественное сознание социал-дарвинистских и ницшеанских идей, биологической концепции нации, националистической пропаганды в европейских странах и, особенно, в Германии(18). Война представлялась одним из эффективных средств национального, социального, политического, культурного развития и «освобождения» народов. Идея войны, представления о целях и характере назревающего конфликта играли важную роль в выработке интеллектуальной элитой европейских стран на рубеже XIX – XX вв. концепций национального развития, моделей национальной

идентичности. Однако, как это показал Э. Геллнер, формулируемый интеллектуалами ответ на вызов индустриальной эпохи привел в конечном итоге не к возрождению или освобождению нации, как это виделось самим националистам, а к ее формированию(19).

Целый ряд авторов в своих исследованиях, как отмечает Белинда Дэвис, аргументированно показали широкое распространение империалистических и социал-дарвинистских воззрений, мотивировавших разную подготовку европейцев к войне(20). Утверждался «естественный» характер борьбы за существование между нациями и расами, в итоге которой «лучшие» (европейские, белые, «арийские») элементы будут преобладать(21). Европейская культурная элита накануне 1914 г. в большой степени разделяла идею духовности войны, которая рассматривалась, особенно в Германии, как проверка духа, жизненности культуры и национального уклада. Казалось, война выявит и утвердит моральные и культурные ценности народа, достоинства его национального характера. Из теории Ф. Ницше многие интеллектуалы выводили представление о войне как «парнике» культуры, основании морали и формы социальных отношений, объединяющей людей. Убеждение в неминуемой гибели всех цивилизаций, порожденное цивилизационной теорией, девальвировало значимость человеческих страданий, которые стали рассматриваться как цена, которую народы платят за культуру(22). Немцам казалось, что война поможет актуализировать ценности, важные для нации, но разрушившиеся в процессе массовой модернизации и индустриализации в течение сорока предвоенных лет. Эти ценности во многом противостояли ценностям буржуазной Европы и индустриальной цивилизации(23). Немецкие интеллектуалы, как отмечает П.Елавич, рассматривали войну как часть божественного или естественного порядка. Пропагандировалось представление о том, что борьба, доминирование, война – этого желают природа и Бог(24). Утверждению такого взгляда, помимо распространения социал-дарвинизма, во многом способствовало гегельянство, доминировавшее в немецкой исторической, юридической и теологической мысли в XIX веке. Для немецкого идеализма была характерна вера в то, что Германия находится во главе движения и изменений в мире в начале XX века, что она – главный представитель гегелевского мирового духа и гораздо более духовна, чем ее соседи (“Denn am deutschen Wesen soll die Welt genesen” – “By the German soul the world will be made whole”)(25).

В историографии убедительно показано, что интеллигенция во всех ведущих европейских державах внесла значительный вклад в моральную подготовку к войне. Целый ряд исследователей, таких как Р.Вол, В. Момзен, П. Елавич, Р. Стайтс, Н. Фергюсон и другие обосновали тезис о том, что энтузиазм по отношению к идее войны в предво-

енный период и ее поддержка после 1914 г. были характерны прежде всего для интеллектуалов и деятелей культуры. Последние были убеждены, что в огне воспеваемой ими войны из буржуазных культур возродятся к новой жизни их национальные культуры, превосходство которых над другими они с жаром отстаивали(26). Елавич подчеркивает, что агрессивная риторика интеллектуалов в предвоенной Германии не могла скрыть серьезной тревоги, обусловленной ощущением того, что их культурные усилия становятся во все большей степени бесполезными в современном мире. Интеллектуальная элита, постепенно терявшая позиции в обществе по мере модернизации, видела в войне возможность окупить свои потери и объявила крестовый поход по восстановлению ценностей "Bildungsbürger"(27) и принадлежащего ему по праву доминирующего места(28).

В конструировании национальной идентичности европейских народов в новых исторических условиях особую роль играли общественное сознание молодого поколения, вступившего в активную жизнь в 90-е гг. XIX в. Вол, исследовавший социокультурный феномен поколенческого сознания на материале ряда европейских стран, выделил факторы, способствовавшие его возникновению на рубеже XIX-XX вв.(29) Автор показал, что освобождение молодежи от безраздельной власти семьи и общественной иерархии было побочным продуктом европейской модернизации и реализации идей Французской революции. На рубеже веков ряд кардинальных социальных изменений, ускорение их темпа свидетельствовали, что XX в. будет качественно иным, чем предшествующий, и привело к возникновению представления о молодежи как носителе новой, передовой культуры обновления. Важными факторами, повлиявшими на становление поколенческого сознания, было ослабление традиционных форм социальной идентификации и растущее ощущение коллективного предназначения, противостоящего индивидуальному или локальному(30).

Идея всеобщей войны как единственного спасения от «вялости» буржуазного общества стала центральной в идентификационных практиках молодого поколения. Одним из путей возрождения наций и спасения цивилизации от упадка, как представлялось молодым интеллектуалам, может стать неожиданная «травма» или «удар судьбы»(31). Предполагалось, что на полях сражений и в ситуации чрезвычайного национального напряжения национальное сознание должно получить импульс к развитию. Эта идея, отмечает Вол, не покажется столь странной, если мы вспомним, что все европейские войны с 1815 г. были короткими, прогрессивными в своих последствиях и героическими, по крайней мере, в исторической памяти(32). Война должна была предложить средства выхода из тупика предвоенной политики, создать чувство

ранее небывалого национального единства, воспитать самопожертвование, силу духа, смелость, составляющие существо война, создать более высокий в нравственном отношении тип личности. Такое понимание роли войны в судьбе национальной культуры объясняет страстный энтузиазм, с которым значительная доля европейских юных интеллектуалов приветствовала начало войны в 1914 г. Вол отмечает, что война ожидалась как очищающая гроза, способная избавить от посредственности и мелочности буржуазного общества. Когда эта гроза разразилась, она была воспринята как час освобождения, ритуал очищения, и как шанс спастись от слабеющей, переживающей упадок цивилизации(33).

Молодежные движения, сходные в своих существенных характеристиках, деятельность творцов идеологии «новой» культуры как нельзя лучше выражают духовные поиски европейского культурного авангарда в наших попытках выявить кризисные черты в европейском развитии на рубеже XIX – XX вв. С одной стороны, стирание локальных и религиозных различий, рост системы образования, ее распространение на сельскую местность и увеличение сроков обязательного обучения, развитие средств массовой информации, вовлечение в политический процесс все более широких социальных слоев, рост социальной мобильности – все это создавало предпосылки для формирования национальных идеологий и национальных идентичностей, воспитания широких масс населения в духе «культы нации» и ее интересов. С другой стороны, поиски интерпретаций разноречивых общественных и национально-государственных интересов в условиях обострения социальных и имперских противоречий, влияние теоретического и эпистемологического инструментария социально-философских парадигм познания и мышления второй половины XIX – начала XX в., кризис рационализма и идейных основ либеральной теории прогресса обусловили появление духовной атмосферы, в которой ценности буржуазной цивилизации стали отторгаться. Формирование этого особого варианта национальных идентичностей, связанного с сознанием и социальной практикой представителей молодого поколения, отрицавших ценности и нормы буржуазного общества, в наибольшей степени отразило противоречия и интенции модернизма.

Анализ националистической пропаганды накануне войны, предпринятый в ряде исследований, показал, что она охватывала огромную аудиторию, а идеология национализма пронизала все стороны общественной жизни европейских государств. Н. Фергюсон отмечает, что «патриотический дух 1914 г.» был продуктом многих лет индоктринации – в школах, университетах, националистических ассоциациях, а в континентальных странах – в самих армиях. Массы, и, по крайней мере, средний класс, были «национализированы» путем безжалостного навязывания.

звания националистической музыки, поэзии, изобразительного искусства, скульптуры и, конечно, истории(34). А.В. Ревякин показывает, что во Франции школьные программы по истории, рассказы о прошлом нации, которые слышали дети, учили не только гордиться своими историческими традициями и уважать то, что считалось особыми национальными добродетелями, но и формировали представления о врагах своего государства и опасностях, связанных с их действиями. Учителя начальной и средней школы весьма рьяно выполняли «государственный заказ» по патриотическому воспитанию детей и молодежи(35). Только во Франции всевозможные националистические движения насчитывали в своих рядах в общей сложности сотни тысяч членов(36). Подъему националистических страстей содействовали многочисленные патриотические и националистические организации, действовавшие повсеместно в Европе накануне войны: «Морские Лиги» в Германии и Великобритании (созданные в 1890-х гг. для оказания политической поддержки флоту), Пангерманский союз и «Союз обороны» в Германии, «Лига патриотов» во Франции, Националистическая ассоциация в Италии, движение «бойскаутов» в Англии и Германии, и т.д. Вождями их нередко являлись известные журналисты и писатели, как, например, во Франции Поль Дерулед, Морис Баррес и Шарль Моррас(37). В школе, на политических собраниях, в прессе французам постоянно напоминали о поражении их родины в войне 1870-1871 гг. и об аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии. В итоге, как отмечает А.В. Ревякин, получилось так, что, хотя речь шла о событиях довольно отдаленного времени, многие французы и в начале XX века воспринимали их не как «дела минувших дней», лично их не затрагивающих, но переживали их как собственное поражение, как свой позор(38).

В Германии, по данным Р. Бендика, до 1914 г. школьные учебники истории и атласы содержали лишь «легкий намек» на националистические взгляды, выполняя главную задачу (в соответствии со школьной программой 1901 г.) «наглядно показывать тот вклад, который внес царствующий дом в улучшение жизни общества»(39). Однако, как признает автор, «в ходе общественной дискуссии выявились различные взгляды», показывая значимость и активность других каналов националистической пропаганды(40). Ее воздействие на массовое сознание проявилось особенно отчетливо в начале войны, когда социокультурные аспекты военного противостояния придавали действительность концептам официальной пропаганды. Среди событий августа 1914 г. многие немецкие обозреватели выделяли как поразившее их явление огромное количество стихов, сочиненных населением по случаю войны. Около 500 поэм подавалось в газеты ежедневно; в течение первого месяца войны 100 поэм в среднем каждый день публиковались в газетах. Казалось, отме-

чает Елавич. Германия подтверждает, что она действительно «страна мыслителей и поэтов», хотя качество стихов, не говоря о качестве самих мыслей, по словам автора, оставляли желать лучшего... Язык этих стихов, казалось, был создан для милитаристских излияний(41). Широкое распространение в Германии представлений о войне как оборонительной и «превентивной» с ее стороны косвенно подтверждается трактовкой немецким обществом роли участников мирового конфликта. Свидетельством восприятия Англии как главной виновницы войны и самого опасного противника Германии может служить чувство ненависти к ней, охватившее немцев в начале войны и мотивы этой ненависти(42). Так, исследователи отмечают, что наибольшую популярность и известность приобрела «Песня ненависти к Англии» Эрнста Лиссауэра, за которую автор получил железный крест. Она стала «народной» и заняла на время место национального гимна. Будучи непрерывно воспроизводимой в бесконечных газетах и на отдельных листах, она декламировалась также со сцен театров, оперы и даже водевилей под громовые аплодисменты. Начиналось стихотворение с утверждения, что «Мы одинаково ни любим, ни ненавидим Россию и Францию, так как борьба с этими соседними народами объяснима и ведется за территорию. Но чувства по отношению к Англии другие». Эта песня выражала идеи, которые можно было встретить в многочисленных поэмах, пьесах, эссе: представление о том, что Англия – главный, вероломный враг Германии. Британия характеризовалась как страна «алчных лавочников», которые хотят завоевать весь мир. Логика рассуждений была такова: «Иметь самую большую империю на земном шаре им недостаточно, они хотят держать в подчинении другие великие державы. И хотя (а может, именно потому что) Германия накануне войны превзошла Великобританию по своей индустриальной продукции, последняя хочет лишить молодую нацию принадлежащего ей по праву места под солнцем, ее претензий на новые рынки, новые колонии и новый флот». Многие немцы считали, что две страны должны сотрудничать против общего исторического врага – Франции. Вступление Англии в Антанту рассматривалось как предательство худшего сорта. Распространенное в связи с этим чувство выражалось во фразе «Бог накажет Англию!»(43). А. Маркус отмечает, что лозунг «Бог накажет Англию!» стал автоматическим приветствием, на которое отвечали: «Он ее накажет!»; это было напечатано на почтовых открытках, сигаретных пачках, трубках, упаковках и т.д., даже подвязках и подтяжках. Тему священной ненависти к Англии развивали и другие произведения. Она присутствовала даже в детской песенке, популярной в 1914 г., где говорилось: «Лети, цепчин. Лети в Англию. Англия должна быть разрушена огнем»(44).

Под влиянием давления националистических и экспансионистских групп экстремистские идеи получали возрастающую поддержку в правительственных кругах и среди населения. В Германии особую роль в этом сыграла деятельность Пангерманской лиги, представители которой в 90-е гг. XIX в. пропагандировали идею расового превосходства германского народа и его миссии управлять миром, утверждали о том, что сила выше права, что войны, проводимые время от времени, полезны для общества как своего рода умственная и физическая гигиена(45). Среди ультранационалистических авторов, призывавших к войне, выделялись Константин Франц, Пауль Ланард, Фридрих Ланге, Эрнст Хассе. В публикациях журнала «Немецкая почва», издававшегося Пангерманской лигой, содержались, в частности, этнографические карты, в которых немецкое меньшинство по ту сторону границ рассматривалось как аванпост немецкой экспансии: на них особо были обозначены территории, куда «естественным образом» могла устремиться экспансионистская политика Германии. Журнал пояснял, что «во все известные нам периоды истории» Россия была местом «поселения немцев». Проживание немецкого меньшинства на Балтийском побережье, распространение немецкого языка в письменной и устной речи через Балтику и Скандинавию втягивало весь Балтийский регион в «сферу немецкой культуры», в которой немцы с их идеей «более высокой культуры» демонстрировали свое превосходство над славянами(46). Готовность Берлина опереться на силу оружия, употребить его в наступательных целях, по мнению К.Б. Виноградова, во многом определялась известным отставанием Германии в прямой эксплуатации богатств и населения земного шара. Широкие слои немецкого общества были не удовлетворены тем, что Англия, Франция и Россия контролируют гигантские территории колоний и зависимых стран в Азии и Африке, а Германия обладает «бедными» колониями «третьего сорта»(47).

Важную роль в принятии войны не только в Германии, но и в других странах, сыграло представление о ее кратковременном характере. Несмотря на опыт Крымской, Англо-бурской войны и гражданской войны в Америке, стратеги и тактики, планировавшие войну в Германии и других странах, рассчитывали на быстрый исход будущего конфликта; многие считали, что он продлится не более шести месяцев, т.к. воюющие нации не смогут обеспечивать в течение более длительного срока колоссальные людские и материальные силы, необходимые для ведения современной войны. Идея экономических ограничений возможностей ведения войны разделялась многими политиками, военными, бизнесменами. Такие авторы как Иван Блюх и Норман Анджел на основании расчетов доказывали, что финансовые последствия большой европейской войны будут столь губительны, что сделают ее практически

невозможной. Коллапс европейской системы кредита и промышленности в результате войны предсказывал сэр Эдвард Грей(48). А. Шлифен разработал свой план на основании предположения, что «Экономическая машина с ее тысячами колес, от которых миллионы получают средства к существованию, не может быть остановлена на длительное время»(49). В Германии особое значение в создании представления о кратковременной войне имело то обстоятельство, что предварительная концепция войны выводилась из опыта победоносной кампании 1870-1871 гг.(50)

Рассмотрение процессов мобилизации национального сознания накануне войны в контексте массовой политики и пропаганды в ряде работ зарубежных и российских исследователей показывает, что в этом отношении Россия имела как общие черты, так и отличия от западных государств, где данные институты были более развиты. По оценке Р.Стайтса, правящая монархия в России в преддверии войны была не в состоянии осуществлять меры, направленные на патриотическую мобилизацию массового сознания и общественного мнения, а официальная пропаганда была недостаточно развита. Причинами этого были и опасения дать дополнительный импульс панславистским настроениям, распространявшимся с 70-х гг. XIX в.; и неудачный пропагандистский опыт «полицейского социализма»; и недоверие по отношению к «общественности», к тем интеллектуальным силам, которые могли бы вести эту работу более эффективно(51). О неразвитости национального начала в России в этот период и в годы войны писал в своем исследовании русской революции Р. Пайпс(52). Среди российских историков слабость официальной патриотической пропаганды, направленной на мобилизацию массового сознания, подчеркивает Е.С. Семяевская, которая характеризует ее как слишком абстрактную и непонятную для большинства населения, армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства(53).

Специфика национального развития в России накануне войны во многом была связана с особенностями формирования буржуазной нации на рубеже XIX – XX вв. На этот процесс влияли и догоняющий характер модернизации, и социокультурные особенности страны. Ценности и установки сознания крестьянства, составлявшего большинство населения, во многом противоречили как императивам буржуазной модернизации, так и представлениям политической элиты и цензурных слоев общества. «“Демократизм” сельского общества, – справедливо отмечают Н.А. Иванова и В.П. Желтова, – хотя и черпал новые импульсы из современной жизни, в большей мере был обращен в глубь веков, нежели в идущее на смену традиционному гражданское общество. Он сочетался с сохранявшейся несвободой крестьян, с ограничением их прав, в том

числе на землю. Сельское общество являлось одним из инструментов поддержания этой несвободы»(54). Исследователи отмечают, что на рубеже XIX–XX вв. царское правительство искало пути консолидации Империи, что теснейшим образом оказалось связано с обоснованием теории национального государства(55). Значение достижения национальной консолидации в Российской империи многократно возрастало в условиях надвигавшейся мировой войны, однако правящей верхушке так и не удалось сплотить расколотое общество.

На рубеже XIX – XX вв. в правящей бюрократии России существовало два взгляда на проблему дальнейшего расширения территориальных границ империи. Одни деятели, например, военный министр А.Н. Куропаткин, пришли к мнению о том, что национальным интересам страны отвечают сложившиеся к тому времени границы империи, а расширение территории и населения могут только ослабить ее(56). Однако процессы социально-экономической модернизации начала XX в. (особенно в период экономического подъема 1909-1913 гг.), привели к росту экономической мощи буржуазии и усилению национализма, что выразилось в изменении представлений о национальных интересах страны и самой идеологии ее внешней политики, расширении территориальных притязаний(57). «Гораздо более популярным при дворе Николая II и в коридорах Генерального штаба, - пишет Е.Ю. Сергеев, - было мнение о необходимости «естественного» роста империи по мере обеспечения интересов России и создания резервного «демографического» пространства для ее населения, увеличивавшегося быстрыми темпами за счет высокого коэффициента естественного прироста»(58). Исследователь приводит данные о существовании среди генштабистов сравнительно молодого возраста точки зрения, обосновывавшей не только евразийскую, но и глобальную геополитическую миссию России, российского варианта мировой политики наподобие Weltpolitik кайзера Вильгельма(59). Автор делает вывод, что «и среди военной элиты России, так же как и в других крупнейших государствах (Германии, Франции, Англии) к началу XX в. сложилась группировка «империалистов-глобалистов», стремившихся к неограниченной внешней экспансии, прикрытой рассуждениями о «защите национальных интересов». Однако, как признает Е.Ю. Сергеев, «перенос границ по всем азимутам империи с целью укрепления безопасности только увеличивал риск вовлечения России в конфликт глобального масштаба и повышал вероятность ее распада из-за обострения внутривнутриполитических проблем»(60), что не могли не понимать не только трезвомыслящие российские генштабисты, но и многие представители правящей элиты. Острые социальные противоречия, чреватые новой революцией, недостаточная готовность к войне в силу запаздывания в реализации программы военно-

технических преобразований, незавершенности реформ порождали у дальновидных и осведомленных политиков (П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, П.Н. Дурново и др.) тревоги и опасения по поводу возможных трагических последствий неудачной войны для самого существования российского государства. Некоторые из них прямо указывали на неспособность народных масс России позитивно воспринять и разделить с просвещенными слоями общества понимание целей и задач предстоящей войны. Будучи не заинтересована в большой войне и не готова к ней, Россия была вынуждена принять «правила игры», логику противоборства двух военно-политических блоков ведущих держав, в котором Россия была связана союзническими обязательствами с другими государствами Антанты. Вовлечению страны в войну способствовал и имперский менталитет правящей бюрократии, не допускавшей мысли об отказе страны от великодержавной роли, хотя бы в традиционных Восточном и славянском вопросах(61). При этом большинство историков сходятся на том, что в сложившейся ситуации избежать столкновения Николай II все равно бы не смог(62).

Во всех европейских странах в той или иной степени действовали факторы, способствовавшие созданию настроения в пользу войны. Изменение в оценке правящими элитами перспективы войны выразилось в том, что она рассматривалась обеими противоборствующими сторонами накануне 1914 г. как более предпочтительный вариант, чем дипломатическое поражение, неизбежным следствием которого, как предполагалось (особенно германским истеблишментом), будет война в худших условиях(63). Если для Германских правящих верхов в силу предсказываемого ими, как показал Д. Херрман, изменения баланса военных сил после 1911 г. в пользу Антанты война была желательна в ближайшей перспективе(64), то ее противники, особенно Россия, были заинтересованы в отдалении вооруженного конфликта, если его невозможно избежать.

Таким образом, значительной частью интеллектуальной и политической элиты европейских стран рубежа XIX-XX вв. война воспринималась как радикальный способ разрешения международных противоречий, решения проблем национального развития. Война истолковывалась как один из путей возрождения национальной культуры, которая, как казалось, теряет свои позиции, дух и особый облик под нивелирующим влиянием индустриализма.

Националистическая пропаганда оказывала значительное воздействие на духовную атмосферу обществ и массовое сознание. Одной из предпосылок этого был процесс формирования европейских государственных наций, осложненный противоречиями нового этапа в развитии мировой капиталистической системы на рубеже XIX-XX вв. Это сопровождалось

стремительным изменением, дифференциацией условий и форм социальной и духовной жизни национальных сообществ. Возрастание значимости ценностей и идеалов национальной культуры, конструирование интеллектуальной и духовной элитами единых национальных идентичностей играли в этой ситуации роль защитного психологического механизма. Таковую же сущность имела почвенническая, неререфлексируемая реакция общественного сознания, направленная на сохранение и утверждение ценностей своей культуры. Поиски индивидуальной, групповой и национальной идентичности в меняющемся, усложняющемся и одновременно унифицирующемся мире, формирование культурно окрашенных стереотипов и ожиданий, отторжение «рутины» и «пошлости» буржуазной культуры, грозящей самому существованию «высокой» культуры, поиски новых, свободных от буржуазной «узости», культурных форм и смыслов находили наибольшее выражение в движениях культурного авангарда.

Позитивное восприятие идеи войны и ее популярность, конструирование образа внешнего врага были не только характерной чертой духовной атмосферы в европейских государствах на рубеже XIX – XX вв., но и являлись одной из основ разрабатываемых их элитами национальных идентичностей, проявлений мобилизации национального сознания европейских обществ в условиях утверждения имперских приоритетов в политике великих держав и назревания глобального военного конфликта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27.
2. Д. Байрау обращает внимание на то, что в историографии, посвященной развитию концепции и практики тотальной войны, Первая мировая война характеризуется как «недостаточно тотальная». См.: Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России. С. 28.
3. Ферстер С. Указ. соч. С. 25.
4. Там же. С. 14.
5. Урибес Санчес Э. Современная французская историография Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 37.
6. Там же. С. 38.
7. Joll J. The Origins of the First World War. London, New York, 1984. P. 202.

8. Ibid. P. 185. См. также: Devis B. Home fires burning : food, politics, and everyday life in World War I. Berlin; Chapel Hill, NC, 2000. P. 10-11; Урибес Санчес Э. Указ. соч. С. 39; Ферстер С. Указ. соч. С. 14.
9. Сергеев Е.Ю. Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 333.
10. Там же.
11. Виноградов К.Б. Кризисная дипломатия//Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 124.
12. Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 23.
13. Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. London; New York; Toronto; Sydney, Auckland, 1989. P. 82.
14. Ibid. P. 82, 86-87.
15. Лакер У. Россия и Германия – наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 77.
16. Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 23.
17. Ibidem.
18. Davis B. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75, N 1. P. 123; Jelavich P. German culture in the Great War // European culture in the Great War. Cambridge, 1999. P.43; Liulevicius V.G. Op. cit. P. 23-24; Horne J., Kramer A. German "Atrocities" and Franco-German Opinion, 1914: The Evidence of German Soldiers' Diaries // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. P. 14.
19. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 127.
20. Davis B. Experience. Identity, and Memory ...
21. Jelavich P. Op. cit. P.43.
22. Ницше Ф. Так говорит Заратустра. СПб., 1990; Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge, Mass., 1979. С. 213.
23. Leed E. J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 62. 70.
24. Jelavich P. Op. cit. P.43.
25. Modris E. Op. cit. P. 80.
26. Wohl R. Op. cit.; Davis B. Op. cit. P. 123; Jelavich P. Op. cit.; Stites R. Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914-1917// Europe-

- an culture in the Great War. Cambridge, 1999; Ferguson N. The Pity of War. L., 1998. P. 201.
27. Образованного гражданина (бюргера).
28. Jelavich P. Op. cit. P. 43.
29. Wohl R. Op. cit.
30. Ibid. P. 207.
31. Ibid. P. 216.
32. Ibidem.
33. Ibid. 217.
34. Ferguson N. Op. cit.
35. Ревякин А.В. Война и интеллигенция во Франции//Первая мировая война: Пролог XX века. С. 485.
36. Ревякин А.В. Указ. соч. С. 485.
37. Там же.
38. Там же.
39. Бендик Р. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн//Там же. С.505-506.
40. Там же.
41. Jelavich P. Op. cit. P. 32.
42. Ibid. P.32-34; Eksteins M. Op. cit. P. 92; Marquis A.G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. N 3. P. 488-490.
43. Jelavich P. Op. cit. P. 33.
44. Marquis A.G. Op. cit. P. 490.
45. Лакер У. Указ. соч. С. 61.
46. Бендик Р. Указ. соч. С. 505-506.
47. Виноградов К.Б. Указ. соч. С. 124.
48. Ferguson N. Op. cit. P. 190-191.
49. Цит. по: Ferguson N. Op. cit. P. 190.
50. Eksteins M. Op. Cit. P. 90; Leed E. J. Op. cit. P. 61. Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914-1923. Oxford; New York, 2007. P. 23.
51. Stites R. Op. cit. P. 9.
52. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 230.
53. Семянская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 65.
54. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 164.
55. См.: Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственной управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М., 2004. С. 5.

56. Емец В.А. «Национальные интересы» во внешней политике России в преддверии Первой мировой войны//Первая мировая война: Пролог XX века. С. 41; Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 334-339.
57. Емец В.А. Указ. соч. С. 42; Вопросы мировой войны. Пг.. 1915; Чего ждет Россия от войны. Пг.. 1915.
58. Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 335.
59. Там же. С. 339.
60. Там же.
61. См.: Игнатъев А.В. Россия и происхождение великой войны//Первая мировая война: Пролог XX века. С. 98-103.
62. Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) //Там же. С. 239.
63. Herrman D. The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, New Jersey, 1996. P. 219.
64. Ibid. P. 212-213.

Olga. S. Porshneva

Professor of chair of history of Russia of Institute of fundamental formation of the Ural federal university, the doctor of historical sciences, professor.

**IDEA OF WAR IN PRACTICIANS OF MOBILIZATION
NATIONAL CONSCIOUSNESS OF THE EUROPEAN PEOPLE ON
THE EVE OF WORLD WAR I:
SOME RESULTS OF STUDYING**

Research of a phenomenon of total war in a context of the analysis of structures of an era of 1861-1945 allowed to reveal to modern researchers the factors which have brought to the modern period to destructive totalization of military operations. The positive perception of idea of war and its popularity, designing of an image of the external enemy were not only characteristic feature of the spiritual atmosphere in the European states at a boundary of the XIX-XX centuries, but also were one of bases of national identity developed by their elite, manifestations of mobilization of national consciousness of the European societies in the conditions of the statement of imperial priorities in policy of great powers and a maturing of the global military conflict.

Key words: national consciousness, war, Europe, image of the enemy